

005056639

На правах рукописи

Нурутдинов Ильнур Ильдусович

**(ДЕ)КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ПРАКТИК:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ВАХХАБИЗМА)**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

6 ДЕК 2012

Саранск – 2012

Работа выполнена на кафедре социальной и политической конфликтологии ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технологический университет».

Научный руководитель: доктор социологических наук профессор
Салагаев Александр Леонидович

Официальные оппоненты: **Кулешова Галина Петровна**
доктор социологических наук, директор Средне-Волжского филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Саранск)

Казакова Марина Николаевна
кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева» (г. Саранск)

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет»**

Защита состоится 21 декабря 2012 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212.117.03 при ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева» по адресу: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39 а, 3-й этаж, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени М.М. Бахтина ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева».

Автореферат разослан «19» ноября 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

В.М.Сидоркина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Глобальные геополитические изменения, имевшие место в нашей стране в начале 1990-х гг., стали причиной целого ряда трансформаций и деформаций в социальной жизни общества. За короткий период времени произошли существенные изменения в политической, экономической и социальных сферах. Сопоставимые изменения произошли и в сфере ценностных ориентаций общества. Религия, которая в той или иной степени испытывала гонения на всем протяжении существования СССР (за исключением короткого периода во второй половине 1980-х гг.), прочно вошла в повседневную жизнь социума.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось бурным развитием различных религий, в т.ч. ислама, в Российской Федерации, почва для чего была подготовлена еще во время оттепели 1980-х гг. Обратной стороной реисламизации в России стало появление и усиление влияния ваххабизма – течения в исламе, которое рассматривается в качестве девиантной секты ортодоксальным мусульманским большинством¹.

Появление ваххабитов в России, как в виде различных миссионеров из арабских стран, так и в виде их местных последователей, породило активное обсуждение ваххабизма в пространстве публичных дискурсов: дискуссии о ваххабизме попали в риторику первых лиц государства и политиков, представителей силовых структур, религиозных деятелей. Ваххабитский фактор в чеченском конфликте усилил негативные коннотации, которые связывались в общественном представлении с ваххабитами, а участие последних в целом ряде крупных и дерзких террористических актов фактически поставило знак равенства между ваххабизмом и терроризмом.

Однако было бы ошибочным утверждать, что конструирование ваххабизма в пространстве публичных дискурсов осуществлялось исключительно с позиции демонизации этого направления в исламе. Частично экспертное сообщество и частично представители мусульманской религии занимались деконструированием² негативного образа ваххабизма, стремились минимизировать представления об его опасности и в целом депроблематизировать повестку дня, связанную с ваххабизмом. Труды основоположников ваххабизма в 1990-х гг., и частично – в начале 2000-х гг. издавались значительными тиражами и распространялись в мечетях и мусульманских учебных заведениях, продавались в книжных магазинах. Развитие телекоммуникационных технологий в 2000-х гг. значительно облегчило задачу по деконструированию образа ваххабизма как религиозной

¹ Ваххабизм весьма многогранен и может рассматриваться с различных сторон: как политическое явление (например, официальная идеологическая доктрина в Саудовской Аравии), как культурный феномен (образец маргинальной контр-культуры в мусульманских (со-)обществах), как религиозное явление (ваххабизм с точки зрения традиционных суннитских правовых школ-мазхабов). Мы рассматриваем ваххабизм как девиантное социальное явление, т.к., на наш взгляд, рассмотрение ваххабизма с социологической точки зрения во многом объединяет его различные ипостаси в рамках одного предмета исследования.

² Постмодернистский термин «деконструирование» используется нами в узком смысле для обозначения деятельности по символическому демонтажу идеальных объектов, формируемых в ходе конструкционистских практик.

девиации: сторонники ваххабизма в настоящее время активно используют возможности сети Интернет для размещения материалов, занимающихся апологетикой ваххабизма, а зачастую – разных форм экстремизма и терроризма. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в федеральном списке экстремистских материалов присутствует более десяти проваххабитских веб-ресурсов, признанных судебными органами России экстремистскими¹.

Дискурсы, проблематизирующие и депроблематизирующие ваххабизм, находятся в постоянной интеракции, «сталкиваются» друг с другом, конструируя все новые и новые значения в символическом универсуме. Научный анализ особенностей (де-)конструирования ваххабизма как религиозной девиации позволяет понять как изменяются смыслы, ассоциируемые с ваххабизмом, какие риторические приемы и дискурсивные стратегии используются для негативизации или позитивизации образа ваххабизма, какая риторика превалирует в его описании. В нынешнюю информационную эпоху (термин М. Кастельса), в которой происходит виртуализация социального пространства, основная борьба между сторонниками и противниками ваххабизма будет происходить в пространстве публичных дискурсов, и ее исход будет зависеть от способности каждой из сторон обеспечить эффективную символическую коммуникацию тех или иных идеалов и ценностей. Ярким подтверждением этому являются, в частности, события, произошедшие в Татарстане летом 2012 г. (покушение на муфтия ДУМ РТ и убийство его заместителя), в ходе которых как в традиционных, так и электронных СМИ, с новой силой разгорелась полемика между противниками и сторонниками ваххабизма. В целом же, исходя из вышесказанного, выбранная нами для исследования тема представляется весьма актуальной.

Область исследования: историко-теоретический анализ формирования новых социально-групповых общностей, их взаимодействия и иерархии; проблемы социальных конфликтов, социальной напряженности, проявления группового, корпоративного эгоизма; субъективный аспект социальной стратификации; социальная идентификация, ее основные виды: социально-групповая, социально-слоевая идентификация; типы идентификационного поведения; проблема маргинализации населения России.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является ваххабизм как религиозное течение. **Предметом** исследования является социологический анализ процесса конструирования и деконструирования ваххабизма как религиозной девиации в пространстве российских публичных дискурсов.

Степень научной разработанности темы исследования. Многоаспектность темы (де-)конструирования ваххабизма как девиантной религиозной практики делает необходимым обратиться к нескольким направлениям разработанности данной темы в научной литературе.

Первое направление связано с конструкционистской парадигмой в социологии и представлено работами А. Щюца, П. Бергера и Т. Лукмана. В

¹ Подр. см.: Федеральный список экстремистских материалов // Российская газета. – 2012. – 25 апреля.

этом же ряду можно выделить некоторые теории, носящие вспомогательный характер и объясняющие механизмы конструирования социальной реальности и особенность конструкционистских процессов в разных социальных институтах. Лингвистические особенности конструирования социальной реальности, например, весьма существенно были проработаны учеными, работающими в сфере дискурс-анализа (Р. Водак, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, М. Фуко и др.).

Такие исследователи, как Дж. Бест, Г. Блумер, Дж. Китсьюз, Д. Ласик, М. Спектор, Дж. Шнайдер заложили основу теории конструирования социальных проблем. Специфика конструкционистской деятельности в масс-медиа явилась объектом анализа Р. Бера, Ч. Боска, Ш. Иенгара, М. Маккомбса, С. Хилгартнера, Д. Шоу и др. Экспертному конструированию социальной реальности посвящены труды Дж. Гасфилда, О. Карпенко, Ю.В. Рыболовлевой, С.А. Сергеева, С. Хилгартнера и др. Среди отечественных исследователей конструкционистов следует упомянуть Е.Г. Дьякову, Е.А. Здравомыслову, Ж.В. Журавлеву, А.А. Темкину, А.Д. Трахтенберг, И.Г. Ясавеева и др.

Второе направление представлено многочисленными трудами, посвященными исследованию социальных девиаций в целом. Среди подобных работ можно упомянуть труды Э. Дюркгейма, Р. Кловарда, А. Козна, Р. Мертона, Л. Олина, И. Ная, Э. Сазерланда, Ф. Трешера и других классиков девиантологии. Среди отечественных авторов существенный вклад в исследование проблем социальных девиаций внесли В.В. Волков, Ю.Ю. Комлев, Л.М. Прокументов, А.Л. Салагаев, Н.Х. Сафиуллин и др.

Специфичным направлением среди трудов по девиантологии являются те работы, которые рассматривают социальные отклонения в качестве социальных конструктов. Среди тех из них, которые составили основу конструкционистского подхода к социальным отклонениям, нельзя не упомянуть исследования в рамках теории ярлыков (Ф. Танненбаум, Э. Леммерт, Г. Беккер). Непосредственно конструкционистская интерпретация отклоняющегося поведения представлена в целом ряде трудов зарубежных (Н. Бен-Йехуда, Н. Вебсдейл, Н. Гуд, Дж. Фаррел, С. Козн, Р. Ломбардо, Н. Рафтер, В. Сакко и др.) и отечественных исследователей (Я.И. Гилинский, А.С. Макаров, П.А. Мейлахс и др.).

К *третьему направлению* относятся работы, посвященные непосредственно ваххабизму. В этом направлении можно выделить исследования Ч. Аллена, Дж. Брачмана, А.М. Васильева, Д. Голда, Х.В. Дзуциева, М. Кука, А. Кудрявцева, А.А. Мангаева и др.

Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время отсутствуют специальные социологические работы, рассматривающие ваххабизм как девиантный социальный конструкт. Несмотря на актуальность проблемы ваххабизма, до настоящего времени практически не проводилось серьезных научных исследований данного социального феномена. Недостаток научного осмысления проблематики ваххабизма мешает ее адекватному восприятию со стороны общества в целом.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является выявление особенностей (де-)конструирования ваххабизма в качестве религиозной девиации. Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

- рассмотреть методологические основы конструирования социальной реальности;
- проанализировать теоретические интерпретации процесса конструирования социальных девиаций в рамках социологической науки;
- выявить основные особенности исторического и социального контекстов конструирования ваххабизма как религиозной девиации;
- определить специфику конструирования ваххабизма в печатных СМИ;
- проанализировать конструирование ваххабизма экспертным сообществом;
- исследовать особенности деконструирования ваххабизма в пространстве проваххабитских Интернет-порталов.

Теоретико-методологические основы исследования. Для формирования теоретико-методологической базы исследования диссертант опирался на научные разработки в рамках социологии отклоняющегося поведения, социологии средств массовой коммуникации и социологии социальных процессов и институтов, в т.ч.:

- теорию конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана;
- социологические подходы к пониманию социального конструкционизма (М. Спектор, Дж. Китсьюз, Дж. Серль, П. Бест);
- основные подходы к дискурс-анализу (Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Р. Водак, Ш. Лакло и Э. Муфф);
- теорию конструирования социальных проблем (М. Спектор, Дж. Китсьюз, П. Бест);
- теорию публичных арен (С. Хилгартнер, Ч. Боск);
- теории дискурсивных стратегий конструирования социальной реальности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз, С. Холл, Р. Энтман);
- теорию моральных паник (С. Козн, Э. Гуд, Н. Бен-Йехуда);
- различные подходы к пониманию девиаций (Ч. Ломброзо, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Э. Сазерланд и др.);
- исследования, посвященные истории ваххабизма, его особенностям и социальным факторам распространения в мире в целом и на территории России в частности (А.М. Васильев, А.А. Мантаев, Ч. Аллен, Д. Голд и др.).

Эмпирическая база и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили как результаты собственных социологических исследований диссертанта, так и вторичный анализ данных социологических исследований, проведенных российскими социологами:

- количественно-качественного анализа тематического репертуара, используемого для конструирования ваххабизма в печатных СМИ. Исследование охватило все выпуски газет «Известия», «Российская газета» и «Независимая газета» за период 2001-2011 гг. В изученных выпусках газет

были отобраны все публикации с ключевыми словами «ваххабизм / салафия» и их производными (общее количество отобранных статей составило 429 шт.). Из первичного массива статей были выбраны для анализа те, которые рассматривали проблематику ваххабизма в качестве основной (или одной из основных) темы. В целом, было проанализировано 107 статей в указанных газетах. Количественный анализ публикаций предусматривал анализ активности медийной проблематизации образа ваххабизма с точки зрения хронологических рамок исследования (2001-2011 гг.) и выделение процентных отношений преваляирования тех или иных тем, связанных с ваххабизмом (тематический анализ). Качественный анализ заключался в выявлении основных риторических приемов и дискурсивных стратегий, используемых для конструирования ваххабизма в печатных СМИ;

- качественного исследования особенностей конструирования ваххабизма экспертным сообществом. Для исследования был подобран пул экспертов, представляющих четыре категории: религиозные деятели (мусульманские священнослужители, шакирды / студенты мусульманских учебных заведений); государственные служащие, по роду своей деятельности занимающиеся конфессиональными проблемами, в т.ч. религиозным экстремизмом; ученые, специализирующиеся на конфессиональной тематике; представители правоохранительных органов. Конструирование ваххабизма экспертным сообществом изучалось по комплексной методике, включающей в себя качественный анализ полужформализованных экспертных интервью (N = 16), а также анализ интервью указанных экспертов, данных ими для средств массовой информации (N = 17).

- вторичного анализа интервью, собранных исследовательской группой под руководством Г.М. Мансуровой в ходе работы над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (1999-2000 гг.), а также выводы, сделанные исследователями по результатам этого проекта;

- качественного анализа контента проваххабитских веб-сайтов, деконструирующих представления о ваххабизме как религиозной девиации. Исследование веб-контента проводилось в период с декабря 2011 г. по январь 2012 г., было проанализировано 15 веб-сайтов (информационно-аналитических, новостных, сайтов-форумов, страниц в «Живом журнале»), содержащих контент ваххабитской направленности.

Широкое привлечение специальной литературы по теме исследования в сочетании с указанными источниками позволило провести комплексный анализ (де-)конструирования ваххабизма как религиозной девиации. Репрезентативность исследования достигалась путем привлечения объемного и разнообразного эмпирического материала, опорой на научные методы исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2001-2011 гг., который характеризуется активной проблематизацией ваххабизма в пространстве публичных дискурсов (в масс-медиа, политической и экспертной риторике, в академическом дискурсе и пр.).

Научная новизна работы определяется как постановкой самой научной проблемы, так и результатами, полученными на теоретическом и эмпирическом уровнях. Работа представляет собой одно из первых социологических исследований, рассматривающих ваххабизм в качестве социального конструкта и анализирующих особенности его (де-)конструирования в пространстве публичных дискурсов. Новизна диссертационной работы заключается в следующем:

- обоснована методология исследования (де-)конструирования ваххабизма в пространстве публичных дискурсов, методологическую основу которой составляет теория конструирования социальной реальности (П. Бергер, Т. Лукман), а на второстепенных уровнях располагаются «технические» теории (теории, объясняющие лингвистические механизмы конструирования реальности) и «специальные» теории (теории, объясняющие специфику конструирования с точки зрения различных социальных институтов);
- посредством теоретического анализа представлена схема конструирования девиаций и показана роль научных теорий отклоняющегося поведения в формировании и воспроизводстве представлений о причинах девиаций и необходимых мерах социального контроля;
- выделены основные факторы зарождения и распространения ваххабизма, составляющие исторический и социальный контекст конструирования ваххабизма в пространстве публичных дискурсов;
- на основе авторских эмпирических исследований выявлены основные приемы и стратегии конструирования ваххабизма в печатных СМИ и экспертной риторике, а также выделена риторико-дискурсивная специфика деконструирования ваххабизма на веб-порталах проваххабитской направленности.

Научно-практическая значимость диссертации обусловлена актуальностью исследования (де-)конструирования образов ваххабизма в пространстве публичных дискурсов. Выдвинутые в диссертации теоретические положения представляют собой определенное приращение знания в области социологии социальных институтов и процессов, социологии масс-медиа, социологии отклоняющегося поведения, и могут служить основой для дальнейшей разработки конструкционистского подхода к изучению проблем (де-)конструирования девиаций. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы органами государственной власти и управления для выработки концептуальных основ государственной политики по социальному контролю над ваххабитским сообществом России. Отдельные положения и выводы диссертации могут быть использованы высшими учебными заведениями для разработки и дополнения курсов «Социология», «Девиантология», «Социология средств массовой коммуникации», «Социология религии». Представителям мусульманского духовенства результаты исследования могут быть интересны с точки зрения дифференцированного подхода к работе с разными сегментами ваххабитского сообщества. Кроме того, результаты исследования могут помочь СМИ в деле

более взвешенной презентации материалов, связанных с проблемами ваххабизма, терроризма, экстремизма и пр.

Положения, выносимые на защиту:

1. Девиации представляют собой социальные конструкты. Процесс конструирования девиаций инициируется наличием социального феномена (или фактов), которые сигнифицируются в качестве проблемы академическим, экспертным сообществом, политиками и группами интересов, и начинают вызывать озабоченность у общества. Сигнификация порождает академическую дискуссию о причинах вызывающего озабоченность социального феномена, в результате чего появляются научные представления о природе отклоняющегося поведения и необходимых мерах социального контроля, которые начинают тиражироваться масс-медиа и экспертным сообществом. Еще одним этапом конструирования девиаций является этап правового конструирования отклонений, который может предшествовать академической дискуссии об их природе, а в редких случаях – и сигнификации социального феномена в качестве отклонения.

2. Исследование особенностей конструирования ваххабизма в печатных СМИ позволило выделить три периода с разной степенью акцентирования внимания на проблематике ваххабизма. Первый период (2001-2005 гг.) характеризуется значительным количеством публикаций, связанных с ваххабизмом во всех изданиях и может рассматриваться в качестве периода моральных паник, связанных с ваххабизмом. Второй период (2006-2008 гг.) ознаменовался резким спадом интереса к проблематике ваххабизма со стороны изученных газет, а в третий период (2009-2011 г.) интерес к данной теме несколько повышается, но не в той мере, в какой это имело место на первом этапе. Исследование показывает, что актуальность темы ваххабизма для печатных СМИ прямо коррелирует с активностью террористической деятельности на территории России.

3. Образ ваххабизма в печатных СМИ конструируется с помощью нескольких основных и ряда дополняющих тем. Наиболее широко представленной является тема связи между ваххабизмом и терроризмом, которая использует стратегию схождения проблем (С. Холл), в которой проблема ваххабизма дискурсивно «встраивается» в спектр проблем, связанных с терроризмом. Усиление этого дискурса осуществляется за счет использования образов террористок-смертниц, причем в последние годы конструирование связи между ваххабизмом и терроризмом осуществляется, скорее, имплицитно (например, через использование выражений «шахидка» и «пояс шахида», которые семантически несут коннотации, связанные с ваххабизмом). Другой распространённой темой является противопоставление «традиционного ислама» и ваххабизма. В целом же, в печатных СМИ материалы, деконструирующие представления о ваххабизме как социальной девиации, практически не встречаются.

4. В экспертном дискурсе, наряду с представлениями о ваххабизме как секте с четкими идентификационными признаками (внешний вид и доктринальные воззрения), равным образом присутствует и мнение о том, что ваххабизм – это

ярлык, который не точен ни с терминологической точки зрения, ни с точки зрения адекватности присущих ваххабитам признаков для их выделения в отдельное течение. Сравнительно-временной анализ отношения экспертного сообщества к ваххабизму показывает, что более снисходительные высказывания экспертов о ваххабизме и его опасности были в большей степени характерны для начала 2000-х, тогда как в настоящее время осуществляется активная проблематизация ваххабизма, делается акцент на его девиантности и преобладают алармистские оценки.

5. Исследование особенностей деконструирования негативного образа ваххабизма на Интернет-порталах показывает, что материалы на сайтах ваххабитской направленности дистанцируются от термина «ваххабизм», отдавая предпочтение термину «салафия». Представления о ваххабизме как «чистом исламе» конструируются с помощью «контрастной стратегии», в которой объектом для сравнения выступают последователи различных суфийских орденов. Для ваххабитских сайтов характерна деконструирующая полемика с распространенным представлением о ваххабизме как воинствующем течении («дискурсы джихада»). Конструирование умеренного взгляда на джихад использует приемы отстройки от радикалов-джихадистов, обращает внимание на проблемы, которые генерируются в результате террористических актов (исламофобия, преследование мусульман представителями силовых структур), а также указывает на наличие у радикалов-джихадистов скрытой повестки дня. Джихадистский дискурс, в противоположность этому, в основном оперирует риторикой «символического талиона» – оправдания вооруженной борьбы преследованиями мусульман со стороны государственных органов и спецслужб. Кроме того, в рамках джихадистского дискурса осуществляется попытка на основе различных положений ислама символически легитимизировать совершение террористических актов.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования изложены на конференциях различного уровня, в том числе международных научно-практических конференциях «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории» (Москва, 2012 г.) и «Наука и современность – 2012» (Новосибирск, 2012 г.), всероссийской научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения» (Краснодар, 2010 г.), трех республиканских научных конференциях (Казань, 2009-2010 гг.) и опубликованы в виде тезисов выступлений.

Содержание диссертационного исследования нашло отражение в 10 научных публикациях автора общим объемом 3,5 п.л., в т.ч. 3 статьях в научных журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ.

Общий объем диссертации составляет 171 страницу, список использованных источников и литературы включает 171 наименование (в т.ч. на английском языке – 84 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность проблемы исследования, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, определяются научная и практическая значимость и апробация результатов исследования, раскрываются методология и научная новизна работы.

В **первой главе «ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ (ДЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ ВАХХАБИЗМА КАК РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕВИАЦИИ»** формулируется методология исследования, анализируются механизмы конструирования социальных девиаций и исследуется исторический и социокультурный контексты конструирования ваххабизма.

В **первом параграфе «Методологические основы социального конструкционизма»** посредством теоретического анализа изучаются основные теоретические подходы к социальному конструированию реальности.

Для исследования особенностей (де-)конструирования ваххабизма как религиозной девиации была использована комплексная методология, основу которой составила теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Данная теория, которая является продолжением работ А. Шюца, рассматривает процесс превращения объективной реальности в субъективную и обратно, постулируя, таким образом, субъективно-объективную природу социума. Конструирование реальности, по мнению авторов теории, осуществляется на лингвистическом уровне через использование механизмов хабиитуализации, интериоризации, экстернализации, объективации, институционализации, легитимизации и др.

В рамках конструкционистского понимания социальной реальности существует несколько версий: радикальный конструкционизм (П. Ватцлавик, Х. фон Фёрстер, Э. фон Глазерсфельд), строгий конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз), умеренный конструкционизм (Дж. Серль), контекстуальный конструкционизм (Дж. Бест). Диссертант является сторонником контекстуального конструкционизма, который с методической точки зрения предполагает соотнесение конструируемых социальных феноменов с определенным набором социальных условий, являющихся контекстом социального конструирования реальности.

На вспомогательных уровнях методологического каркаса исследования располагаются «технические» теории (теории, объясняющие лингвистические механизмы конструирования реальности) и «специальные» теории (теории, объясняющие специфику конструкционизма с точки зрения различных социальных институтов). К «техническим» теориям в рамках нашей работы были отнесены наиболее распространенные и популярные среди исследователей четыре подхода к дискурс-анализу (Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Р. Водак, Э. Лакло и Ш. Муфф). В качестве «специальных» теорий были рассмотрены теории конструирования социальных проблем (М. Спектор, Дж. Китсьюз, Дж. Бест), теория публичных арен (С. Хилгартнер, Ч. Боск), а

также ряд теорий, рассматривающих проблематику риторических приемов и дискурсивных стратегий конструирования социальной реальности (П. Ибарра, Дж. Китсьюз, С. Холл, Р. Энтман).

Во **втором параграфе «Конструирование девиаций в социологическом дискурсе»** рассматриваются теории, объясняющие механизмы конструирования девиаций и анализируется роль социологических теорий девиантности в конструировании девиаций и социального контроля над ними.

Мы рассмотрели особенности конструкционистского взгляда на проблему социальных отклонений, согласно которому девиации не являются онтологической реальностью, а представляют собой конструкты. Конструкционистское направление в теории отклоняющегося поведения зародилось в 1970-е гг. и в настоящее время пользуется популярностью в социологическом и криминологическом сообществах.

Социологические теории, связанные с проблематикой девиантного поведения, можно условно разделить на две группы: конструкционистские теории, которые объясняют механизмы конструирования девиаций и иные теории, которые, в рамках социологической науки, конструируют представления о причинах девиаций и необходимых мерах социального контроля. К прото-конструкционистским теориям девиаций можно отнести разработки в рамках теории ярлыков (Ф. Танненбаум, Э. Леммерт, Г. Беккер), а собственно конструкционистским – теорию моральных паник (С. Коэн, Э. Гуд, Н. Бен-Йехуда).

Сам же процесс конструирования социальных девиаций весьма сложен и состоит из множества элементов, которые взаимодействуют друг с другом в символической сфере. Как представляется, процесс конструирования девиаций инициируется наличием социального феномена, который сигнифицируется в качестве проблемы различными группами (в частности, академическим и экспертным сообществами, политиками и др.). Это, в свою очередь, ведет к появлению проблемно-ориентированной озабоченности у общества и различных социальных групп. Далее возникает академическая дискуссия о причинах вызывающего озабоченность социального феномена, и в результате этого появляются научные представления о природе девиантного поведения и необходимых мерах социального контроля, которые начинают распространяться масс-медиа и экспертным сообществом. Отдельным этапом конструирования отклоняющегося поведения является стадия правового конструирования девиаций, т.е. закрепления конкретного социального факта в качестве правонарушения в рамках действующего законодательства. Этот этап может предшествовать академической дискуссии, а в редких случаях – и сигнификации социального феномена в качестве отклонения.

Важная роль, которую играет институт науки в конструировании представлений о причинах девиаций, обусловила необходимость обращения к ряду позитивистских теорий отклоняющегося поведения для того, чтобы выявить, какой объяснительный репертуар социальных отклонений конструируется в данных теориях и какие меры социального контроля они постулируют в качестве эффективных. На примере ряда социологических работ

(М. Фуко, Дж. Хаджердон, Е. Финн-Ааге, В. Каппелер, Г. Поттер) было показано, что научные представления о сущности, причинах, последствиях отклоняющегося поведения оказывают существенное влияние как на общество, так и на тех, кого считают девиантами. Те или иные определения отклонений ведут к усилению карательных мер в отношении «преступников», делают необходимым большие расходы на правоохранные нужды, или же наоборот выводят отдельных индивидов за пределы легальных санкций. Научные представления о причинах девиаций оказывают существенное влияние на практики социального контроля. Влияние института науки на общественное мнение велико и в связи с тем, что академический дискурс охотно используется СМИ для придания достоверности и солидности своим сообщениям.

Каковы же особенности социологического дискурса причин отклоняющегося поведения и необходимых мер социального контроля? В социо-биологическом подходе к отклоняющемуся поведению (Ч. Ломброзо) девиации предстают в качестве сущностной характеристики индивида. С точки зрения конструирования девиантности, теория Ломброзо явилась прообразом расового профилирования, которое изначально нивелирует презумпцию невиновности в отношении расовых / этнических меньшинств, а также представлений о большей «биологической предрасположенности» этнических меньшинств к отклоняющемуся поведению.

Аномические теории (Р. Мертон, А. Козн, Р. Кловард и Л. Олин) защищают тезис о том, что доминирующие общественные ценности толкают индивида на совершение противоправных действий. В аномических теориях конструкт девианта представлен, прежде всего, образом представителя низшего класса, пытающиеся добиться материального благополучия через криминальную карьеру. Это, с одной стороны, ориентировало институты социального контроля на борьбу с бедностью, а с другой – превратила представителей низшего класса в «чужих», всегда готовых пойти на нарушение закона.

Исходный тезис теории дифференциальных связей (Э. Сазерленд) гласит, что девиантные практики являются процессом освоения некоторыми представителями общества криминальных ценностей. Конструкт девианта в теории дифференциальных связей представляет собой восприимчивый к влиянию окружающей среды объект; данная теория акцентирует внимание на социальном контексте, в котором существует индивид и его влияние на формирование противоправного поведения. С точки зрения конструирования девиантности, теории дифференциальных связей нашли применение в тезисе о необходимости работы с социальной средой для снижения преступности.

В теориях социального контроля девиантность конструируется либо как результат недостаточного внутреннего контроля индивида над своими поступками / слабого контроля соответствующих социальных институтов (У. Реклесс, И. Най), либо как отсутствие приверженности к основным нормам и ценностям общества (Т. Хирши).

На практике, представления о том или ином социальном отклонении обычно конструируются через использование объяснительных схем в рамках нескольких теорий.

В третьем параграфе **«Ваххабизм как религиозная девиация: социально-исторический контекст»**, в соответствии с принципами контекстуального конструкционизма, рассматривается исторический и социокультурный контексты зарождения и развития ваххабизма.

Особенности конструирования ваххабизма как религиозной девиации могут быть выявлены в соотношении с историческим и социальным контекстами. Спецификой исторического и социального контекстов является зарождение ваххабизма в качестве маргинального учения, возникшего в рамках ханбалитского мазхаба, который отрицает рациональные подходы к трактовке положений Корана и Сунны, и основанного, во многом, на учении Ибн Таймийи о необходимости вернуться к «изначальному исламу». Основными особенностями ваххабизма, названного так по имени его основателя — Мухаммада ибн Абдельваххаба, являются постулаты о необходимости строгого следования единобожию, непримиримая позиция по отношению к религиозным нововведениям, радикальная позиция по отношению к остальным мусульманам (вплоть до их объявления «неверными»).

Развитие ваххабизма в первой половине XX века связано с возникновением Королевства Саудовской Аравии и ряда сопряженных факторов, в частности, открытия крупных нефтяных месторождений на полуострове. Начиная с 1970-х гг. факторами распространения ваххабизма становятся участие ваххабитов в ряде военных конфликтов (Афганистан, Ирак), экспорт ваххабитского религиозного образования в соседние страны, деятельность ваххабитских фондов, поддерживающих ваххабизацию в мусульманских странах и частичный контроль над масс-медиа в арабоязычных государствах. Российская специфика конструирования ваххабизма связана с ситуацией на Северном Кавказе, участием боевиков-ваххабитов в террористических актах, а также оформлением ваххабизма в качестве протестной религии для (северокавказской) молодежи, недовольной положением дел в регионе.

Во второй главе **«КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ВАХХАБИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ»** приводятся результаты авторских эмпирических исследований, проведенных в контексте подготовки диссертационной работы. Результаты исследования (де)конструирования ваххабизма были репрезентированы на трех уровнях: уровне традиционных СМИ, представленном печатными изданиями, уровне экспертного сообщества и уровне «новых медиа» в виде различных Интернет-порталов проваххабитской направленности. Подобная разбивка позволила, с одной стороны, проанализировать тематический репертуар (де)конструирования ваххабизма различными акторами, а с другой стороны — показать область деконструирования девиантного образа ваххабизма со стороны Интернет-медиа, которая практически не представлена ни в дискурсе печатных СМИ, ни в риторике экспертного сообщества.

В первом параграфе «Конструирование ваххабизма в печатных СМИ» рассматриваются основные дискурсивные и риторические приемы конструирования ваххабизма в печатных масс-медиа.

Исследование (де)конструирования ваххабизма в печатных изданиях было проведено на материалах трех федеральных многотиражных изданий – «Известий», «Российской газеты» и «Независимой газеты». Для исследования были отобраны все публикации в этих изданиях за период 2001-2011 гг., содержащие ключевое слово «ваххабизм» или его производные. В качестве исследовательского метода была использована количественно-качественная стратегия, основанная на идее триангуляции (Н.К. Дензин, П. Лазарсфельд). Отобранные для анализа статьи в печатных изданиях были сначала подвергнуты количественному анализу, суть которого заключалась в выделении доминирующих тем, используемых для (де)конструирования образа ваххабизма в печатных изданиях. Результаты данного этапа исследования показали, что в период 2001-2011 гг. численность публикаций в разные годы заметно отличалась, что позволило выделить три периода с разной степенью акцентирования внимания на проблематике ваххабизма. Первый период (2001-2005 гг.) характеризуется значительным количеством публикаций, связанных с ваххабизмом во всех изданиях и может рассматриваться в качестве периода моральных паник (С. Козн), связанных с ваххабизмом. Второй период (2006-2008 гг.) ознаменовался резким спадом интереса к проблематике ваххабизма со стороны изученных газет, а в третий период (2009-2011 г.) интерес к данной теме несколько повышается, но не в той мере, в какой это имело место на первом этапе. Анализ публикаций в печатных изданиях с точки зрения активности интереса к теме ваххабизма и с точки зрения тематического разнообразия статей позволил сделать вывод, что актуальность этой темы для СМИ прямо коррелирует с террористической деятельностью на территории России.

С точки зрения тематического репертуара, образ ваххабизма в печатных СМИ конструируется с помощью нескольких основных и ряда дополняющих тем. Наиболее широко представленной в изученных газетах является тема связи между ваххабизмом и терроризмом, которая использует стратегию схождения проблем (С. Холл), в которой проблема ваххабизма дискурсивно «встраивается» в спектр проблем, связанных с терроризмом. Географическим маркером дискурсивной связи между ваххабизмом и террором выступают республики Северного Кавказа, прежде всего, Чечня, и в меньшей степени – Татарстан. Усиление террористической риторики ваххабизма происходит за счет использования образов террористок-смертниц, которые символически превращают ваххабизм в идеологию «промывания мозгов», способную превратить женщин в безжалостных и кровавых убийц гражданского населения. Особый акцент на связи между ваххабизмом и взрывами с участием террористок-смертниц делался в период активного конструирования ваххабизма как социальной проблемы (2001-2005 гг.), тогда как в последние годы конструирование этой связи осуществляется, скорее, имплицитно

(например, через использование выражений «шахидка» и «пояс шахида», которые семантически несут коннотации, связанные с ваххабизмом).

Другой распространенной темой является тема, которая символически встраивает ваххабизм в дискурсы, связанные с российскими мусульманами (в частности, «традиционный ислам versus ваххабизм»). Распространенной дискурсивной стратегией в рамках данной темы является стратегия отстройки, при которой ваххабизм противопоставляется классической мусульманской религии и представляется в образе радикального течения или даже секты. С другой стороны, присутствует в изученных изданиях и противоположная стратегия, которая, явно или неявно, конструирует наличие тесной связи между российским мусульманским духовенством и эмиссарами / апологетами ваххабизма, на фоне чего отдельные «традиционные» имамы и муфтияты предстают как исключение из правил. Судя по газетным публикациям, ваххабизм для мусульманского духовенства России имеет статус ярлыка, который клеится на конкурентов в рамках борьбы между многочисленными муфтиятами. При этом тематика борьбы за власть и ресурсы внутри российской уммы тесно переплетается с темой ваххабизма в Поволжье. Дискурс ваххабизации Поволжья предстает в газетных публикациях как прямое следствие отсутствия внутреннего единства в рядах мусульман России, на фоне чего экстремисты с легкостью ведут свою деструктивную работу. Заметен интерес отдельных печатных изданий и к теме т.н. «русского ваххабизма».

Газетные публикации по-разному оценивают успехи государственной власти в деле борьбы с ваххабизмом: есть положительные публикации на эту тему, а есть и публикации критического характера. Негативизации образа государственного противодействия ваххабизму служат, в частности, и те материалы, которые посвящены попыткам ваххабитов, отбывающих наказание в российских тюрьмах, создать подпольные ваххабитские ячейки («тюремные джамааты»).

Отмечается немногочисленность в изученных печатных изданиях материалов, посвященных «подноготной» ваххабизма – как правило, это материалы, в которых разоблачается «идейность» ваххабитов, а их деятельность объясняется политическими, экономическими и иными факторами. Что же касается публикаций, деконструирующих представления о ваххабизме как девиации, то таковых в выборке исследования практически не оказалось. Те несколько публикаций, которые, так или иначе, деконструируют негативный образ ваххабизма, указывают на то, что недопустимо смешивать понятия «ваххабизм» и «терроризм / экстремизм / бандитизм».

Во втором параграфе *«Конструирование ваххабизма экспертным сообществом»* осуществляется анализ экспертной риторики, посвященной теме ваххабизма.

Исследование (де)конструирования ваххабизма экспертным сообществом охватило следующие группы экспертов: 1) религиозных деятелей (мусульманские священнослужители, шакирды / студенты мусульманских учебных заведений), 2) государственных служащих, 3) представителей академической среды и 4) представителей правоохранительных органов.

Конструирование ваххабизма экспертным сообществом изучалось по комплексной методике, включающей в себя качественный анализ полуформализованных экспертных интервью (N = 16), а также качественный анализ интервью различных экспертов, данных ими для средств массовой информации (N = 17). Кроме того, для анализа изменений в экспертном конструировании ваххабизма во временном измерении нами частично были использованы интервью, собранных исследовательской группой под руководством Г.М. Мансуровой в ходе работы над проектом «Исламизация в Республике Татарстан: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи» (1999-2000 гг.), а также выводы, сделанные исследователями по результатам этого проекта.

Экспертный дискурс, в отличие от газетного, отличается существенно большим разнообразием. Так, например, в экспертном дискурсе соседствуют представления о ваххабизме как мусульманской секте с характерными идентификационными признаками (в частности, внешний вид и доктринальные воззрения) и мнения, согласно которым ваххабизм – это ярлык, корректность которого вызывает сомнение, как с терминологической точки зрения, так и с точки зрения адекватности присущих ваххабитам признаков для их выделения в отдельное течение. Эксперты, стоящие на таких позициях, подчеркивают, что некорректно отождествлять ваххабизм с экстремизмом еще и потому, что не всегда понятны мотивы тех людей, которые совершают насилие от имени ислама. Примечательно, что сравнительно-временной анализ отношения экспертного сообщества к ваххабизму показывает, что существует серьезное изменение экспертных дискурсов ваххабизма по сравнению с началом 2000-х гг. В частности, более снисходительные высказывания экспертов о ваххабизме были более характерны именно для начала 2000-х, тогда как в настоящее время осуществляется активная проблематизация ваххабизма, и он конструируется в качестве отклонения от нормы. Кроме того, тенденцией начала 2000-х гг. является и преуменьшение опасности ваххабизма, тогда как в настоящее время в экспертной риторике преобладают алармистские оценки. Представляется, что подобные различия в экспертной риторике связаны не только с определенным пересмотром оценок, но и с тем фактом, что сообщество тех, кого называют «ваххабитами», далеко не однородно по своему составу и среди них можно выделить «умеренных ваххабитов», «радикальных ваххабитов» и «симпатизантов ваххабизма».

Одной из особенностей конструирования ваххабизма в экспертном дискурсе является использование собирательного образа выпускника исламских учебных заведений из арабских стран. Этот собирательный конструкт интересен для нашего анализа тем, что он, отчасти, раскрывает совокупность причин, которые используются в риторике объяснения появления и усиления позиций ваххабизма. Репертуарные особенности конструирования образа «шакирда, вернувшегося из арабских стран» могут быть сведены к следующим дискурсам.

Во-первых, эксперты подчеркивают, что выпускники мусульманских учебных заведений из арабских стран нередко оказываются проповедниками

ваххабизма. Для подобных индивидов характерен догматизм, буквализм в понимании источников мусульманского права и отказ от необходимости учитывать социо-культурный контекст, который присутствует в российских регионах компактного проживания мусульман. Во-вторых, по мнению экспертов, существует «линия напряженности» между выпускниками мусульманских учебных заведений из арабских стран и местным мусульманским духовенством. В-третьих, эксперты отмечают, что юношеский максимализм у тех, кто обучался в арабских странах, усиливается за счет культурных различий между Россией и арабским миром. Когнитивный диссонанс, вызванный межкультурными различиями, ведет к фрустрации и радикализации выпускников мусульманских учебных заведений из арабских стран. Институциональные формы ваххабитской проповеди (посредством различных фондов), как показывает экспертная риторика, сошли в настоящее время на нет, тогда как для начала 2000-х гг. это было нормой. Экспертный дискурс остальных причин распространения ваххабизма более однообразен. Распространение ваххабизма одни эксперты объясняют экономическими причинами (например, бедностью), а другие – перегибами в работе правоохранительных структур.

Интересной особенностью экспертного дискурса является постулируемая связь между ваххабизмом и бандитизмом, которая фактически стирает различия между ваххабитами и членами организованных преступных группировок. Эксперты отмечают, что бывшие члены ОПГ нередко становятся убежденными ваххабитами и продолжают свою криминальную деятельность уже в контексте ваххабитского мировоззрения (например, продажа наркотиков объявляется средством «борьбы с кяфирами», а «крышевание» бизнеса приобретает форму сбора закята – обязательной милостыни и джизьи – налога для иноверцев).

Экспертное сообщество, исходя из своего статуса, не только анализирует проблемы, но и конструирует способы их решения. Экспертный дискурс противодействия ваххабизму весьма разнороден и обусловлен отношением каждого конкретного эксперта к ваххабизму (оценка его в качестве девиации или нормы), а также способам распространения ваххабизма в текущих условиях. Экспертами предлагаются пути противодействия ваххабизму в идеологической сфере (в т.ч. через «правильное и традиционное» мусульманское образование), через полный отказ или корректировку практики отправки шакирдов для обучения за рубеж, «очистку» рядов мусульманского духовенства от сторонников ваххабизма, работу по повышению уровня жизни в республиках Северного Кавказа, а также интеграции тех ваххабитов, которые не являются сторонниками экстремизма и терроризма, а лишь отличаются от большинства мусульман своими воззрениями на вопросы мусульманской религиозной практики.

В третьем параграфе *«Деконструирование ваххабизма в электронных СМИ»* рассматривается проблематика деконструирования ваххабизма на веб-сайтах ваххабитской направленности.

Исследование деконструирования доминирующе-девиантного образа ваххабизма в «новых медиа» осуществлялось на основе анализа контента ряда

веб-сайтов ваххабитской и проваххабитской направленности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что материалы на сайтах ваххабитской направленности дистанцируются от термина «ваххабизм», обозначая его в качестве терминологически некорректного ярлыка, и используют вместо этого термин «салафия» (концепт, образованный от выражения «салафус-салихин» - букв. «праведные предшественники»). Деконструирование негативных коннотаций, связанных с термином «ваххабизм», осуществляется и через символическое представление последователей Муххаммада ибн Абдельвахаба в качестве «истинных мусульман», твердо придерживающихся исламских предписаний.

Представления о ваххабизме как «чистом исламе» конструируются и с помощью «контрастной стратегии», в которой объектом для сравнения с ваххабитским мировоззрением выступают т.н. «суфисты» – последователи различных суфийских орденов. Дискурсивно разделяя мусульманскую умму на два лагеря («ваххабиты / салафиты» versus «суфисты / традиционные мусульмане»), сторонники ваххабизма представляют последних в качестве тех, кто отошел от «правильного понимания» сути ислама.

Символическая борьба против суфизма особенно характерна для тех веб-сайтов, которые, так или иначе, проблематизируют ситуацию на Северном Кавказе. В отношении последователей суфизма используются приемы негативизации, карикатуризации и стереотипизации. Как правило, ваххабитские материалы рисуют образ т.н. «могилопоклонника» – человека, который вызывает мольбами к душам умерших (например, шейхам суфийских тарикатов), отвергая, тем самым, одно из ключевых понятий мусульманского вероубеждения – понятие единобожия. Суфии, которые клеймятся как «вероотступники», противопоставляются «истинным мусульманам», к которым ваххабиты относят себя. С суфизмом ваххабитская риторика связывает один из величайших грехов в Исламе – многобожие, за счет чего происходит символическое их выведение за пределы мусульманской уммы, и, как следствие, их дискурсивная стигматизация в качестве «заблудших».

Для ваххабитских сайтов характерна и деконструирующая полемика с распространенным представлением о ваххабизме как воинствующем течении. При этом наше исследование показывает, что среди сторонников ваххабизма нет единой точки зрения по данному вопросу. В частности, часть веб-сайтов отстаивает более умеренный взгляд на джихад, а часть из них занимается активной пропагандой радикальных способов ведения военных действий и совершения террористических актов.

Конструирование умеренного взгляда на джихад использует приемы отстройки от радикалов-джихадистов, обращает внимание на проблемы, которые возникают в результате террористических актов (исламофобия, преследование мусульман силовиками), а также указывает на наличие у радикалов-джихадистов скрытой повестки дня. Джихадистский дискурс, в противоположность этому, в основном оперирует риторикой «символического талиона» – оправдания вооруженной борьбы преследованиями мусульман со стороны правоохранительных органов. Для усиления риторического эффекта в

джихадистском дискурсе используется целый ряд собирательных образов (например, в отношении сотрудников силовых структур используются эпитеты «террористы в погонах» и «шайтаны», приводится «инквизиторский» перечень «пыточного арсенала» и т.д.). Другой, не менее распространенной, стратегией деконструирования девиантного образа ваххабизма в джихадистском дискурсе является попытка на основе различных положений ислама символически легитимизировать необходимость применения насилия, в т.ч. в виде совершения различных террористических актов.

Частью тематического репертуара символического деконструирования девиантного образа ваххабизма является область виртуальных дискуссий о роли ханафитского мазхаба в жизни российских (в основном – поволжских) мусульман и о государственной поддержке «традиционного ислама» в качестве меры борьбы с распространением ваххабизма. Наше исследование показало, что в последнее время, в связи с выбором на пост муфтия Татарстана И. Файзова активизировалась «анти-традиционалистская» риторика на ряде ваххабитских и проваххабитских сайтов, целью которой было делегитимизировать борьбу нового муфтия с ваххабизмом в Татарстане и символически деконструировать опасность ваххабизма в республике.

Радикальная риторика, направленная против И. Файзова обвиняла его в присвоении средств мечети, сотрудничестве с государственными органами и преследовании «правильных» мусульман. Наряду с радикально-ваххабитскими материалами важную роль в негативизации имиджа муфтия И. Файзова играли и материалы умеренно-ваххабитской направленности, выполненные на более профессиональном уровне с использованием, в частности, приемов иронизации, карикатуризации и гиперболизации. Подобные материалы, как показало исследование, большую значимость придавали необходимости принятия во внимание неоднородности ваххабитского сообщества (в частности, наличия в их числе умеренных ваххабитов) и обязательности интегрирования последних в мусульманское сообщество для предотвращения развития событий по северокавказскому сценарию.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** формулируются основные выводы и перспективы дальнейших исследований по теме. В частности, отмечается, что для противодействия ваххабизму как религиозной девиации необходимо предпринять ряд мер. В первую очередь следует усилить противодействие ваххабизму в символической сфере. Исходя из того, что риторика, деконструирующая негативный образ ваххабизма представлена, прежде всего, в сети Интернет, основные усилия должны быть направлены на виртуальное пространство. Наряду с закрытием явно экстремистских сайтов отдельное внимание должно быть обращено на выявление сайтов, занимающихся апологетикой ваххабизма и поддержку тех веб-порталов, которые противодействуют ваххабизму за счет предоставления объективной информации о нем и доступного разъяснения особенностей традиционного ислама.

Параллельно с этим необходима правовая концептуализация ваххабизма как нелегального течения с четким ответом на вопрос о том, являются ли

легальными различные умеренные фракции внутри ваххабитского сообщества (в частности, мадхалиты). В экспертной среде нет однозначного мнения о том, возможен ли диалог с т.н. «умеренными ваххабитами», поэтому точку в этом диспуте должен поставить законодатель.

Кроме того, любая деятельность по противодействию ваххабизму будет неполной, если не будут предприняты одновременные меры по ликвидации системных причин ваххабизма. Для этого необходима реальная борьба с коррупцией и молодежной безработицей (особенно – на Северном Кавказе), государственная поддержка российской системы высшего религиозного образования для мусульман, повышение финансовой прозрачности российских муфтиатов, усиление подготовки сотрудников силовых структур, занимающихся религиозным экстремизмом и т.д.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов ВАК и изданий Министерства образования и науки РФ:

1. Нурутдинов, И.И. Основные делинквентные практики потребителей наркотиков (на примере Республики Татарстан) / И.И. Нурутдинов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия «Социальные науки». – 2010. – №2(18). – С.53-57 (0,6 п.л.).
2. Нурутдинов, И.И. (Де-)конструирование делинквентного поведения через призму социологических теорий / И.И. Нурутдинов // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – №4. – С.247-252 (0,6 п.л.).
3. Нурутдинов, И.И. Конструирование образа ваххабизма в печатных СМИ / И.И. Нурутдинов, А.Л. Салагаев, Р.Р. Сафин // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – №2. – С.200-203 (0,38 п.л.).

В других научных изданиях:

4. Нурутдинов, И.И. Делинквентные практики / И.И. Нурутдинов // Тезисы докладов 61-й республиканской научной конференции. – Казань: КГАСУ, 2009. – С.270 (0,1 п.л.).
5. Нурутдинов, И.И. Содержание и виды делинквентности / И.И. Нурутдинов // Сборник научных трудов докторантов и аспирантов КГАСУ / Отв. ред. А.М. Сулейманов. – Казань: КГАСУ, 2009. – С.205-208 (0,2 п.л.).
6. Нурутдинов, И.И. Некоторые вопросы профилактики наркотизации населения / И.И. Нурутдинов // Тезисы докладов 62-й республиканской научной конференции. – Казань: КГАСУ, 2010. – С.313 (0,1 п.л.).
7. Нурутдинов, И.И. Нетрадиционные делинквентные практики: к постановке проблемы исследования / И.И. Нурутдинов // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 28-29 октября

2010 г.: в 2 т.: Т.1. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2010. – С.108-110 (0,2 п.л.).

8. Нурутдинов, И.И. (Де)конструирование девиантных практик в масс-медиа (на примере образа проституции в печатных СМИ) / А.Н. Белоколенко, И.И. Нурутдинов // Власть, личность, общество: исторические, политологические и социологические исследования. Сборник научных статей / Под ред. А.В. Головинова, М.С. Речкова. –Барнаул: Изд-во «Сизиф» Д.С. Петрова, 2011. – Вып. 2. – С.15-19 (0,52 п.л.).

9. Нурутдинов, И.И. Ваххабизм: особенности возникновения и факторы развития / И.И. Нурутдинов, Р.Р. Сафин //Наука и современность – 2012: сб. материалов XVI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч.: Ч.1 / Под общ. Ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд. НГТУ, 2012. – С.269-277 (0,5 п.л.).

10. Нурутдинов, И.И. Процессуальные особенности конструирования девиаций / И.И. Нурутдинов // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф. – М.: Международный центр науки и образования, 2012. – С.102-106 (0,25 п.л.).